

Научная статья
УДК 325:94
doi: 10.17223/2312461X/49/7

Вынужденное переселение армян-нахичеванцев в конце 1980-х гг.: хроника событий и категории самоописания

Евгения Юрьевна Гуляева¹
Юлия Олеговна Андреева²

¹ *Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия*

² *Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *guliaevaevgenia@list.ru*

² *julia.o.andreeva@gmail.com*

Аннотация. Опыт относительно малочисленных армян – беженцев из Нахичеванской АССР часто остается незаметным на фоне массового изгнания армян из Азербайджана в 1988–1992 гг. Цель данного исследования – зафиксировать «живые нарративы», т.е. истории, рассказанные участниками драматических событий, а также выявить особенности кейса нахичеванских армян и проанализировать способы его включения в общенациональный метанарратив. Работа основана на полевых материалах, собранных в Армении (г. Ереван, с. Нор-Харберт Араратского района и селах Гохтаник и Гермон Вайоцдзорского района) и в России (Краснодар, Москва, Санкт-Петербург) у бывших жителей Ордубадского, Бабекского, Шахбузского районов, а также г. Нахичевань. Погромы армян в г. Сумгаит, произошедшие в феврале 1988 г., воспринимаются нашими собеседниками как точка невозврата к мирному сосуществованию армян и азербайджанцев. Последовавшее спустя девять месяцев изгнание армян из Нахичевани объясняется обращением к исторической травме и опыту геноцида. В рассказах о вынужденном переселении прослеживается напряжение между ощущением внезапности произошедшего и обоснованием его закономерности, потерей субъектности и репрезентацией себя в качестве активных участников событий. Особое место в историях занимает повествование о санкционированном властями Азербайджана разрушении армянских памятников в Нахичеванской Автономной Республике. Это воспринимается как продолжение политики геноцида. И именно этот сюжет включается в общеармянский метанарратив.

Ключевые слова: армяне, Нахичеванская АССР, 1988, беженцы, депортация, этническая чистка

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РЦНИ в рамках научного проекта № 20-59-05013 «Святые места Восточной Армении на примере историко-этнографической области Гохтн (Нахичевань): фольклорно-этнографический анализ». Мы благодарим всех бывших жителей Нахичевани, поделившихся своими воспоминаниями, и выражаем особую признательность Карлосу Агабабяну, Сильве Бабян, Амбарцуму Самвеляну и Хакику Шмавоняну. Кроме того, эта работа была бы невозможна без помощи коллег, в особенности – Арусяк Агабабян, Аргамы Айвазян, Артака Варданяна, Эвии Оганнисян и Торка Далаляна.

Для цитирования: Гуляева Е.Ю., Андреева Ю.О. Вынужденное переселение армян-нахичеванцев в конце 1980-х гг.: хроника событий и категории самоописания // Сибирские исторические исследования. 2025. № 3. С. 131–151. doi: 10.17223/2312461X/49/7

Original article

doi: 10.17223/2312461X/49/7

Forced Resettlement of Nakhichevan Armenians in the late 1980s: Chronicle of Events and Categories of Self-description

Evgenia Yu. Guliaeva¹, Julia O. Andreeva²

¹ Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russian Federation

² Independent researcher, St. Petersburg, Russian Federation

¹ guliaevaevgenia@list.ru

² julia.o.andreeva@gmail.com

Abstract. The experience of the relatively small group of Armenian refugees from the Nakhichevan ASSR often remains overlooked against the backdrop of the mass expulsion of Armenians from Azerbaijan between 1988 and 1992. The aim of this article is to document "living narratives"—stories told by participants of the dramatic events, and to identify the particularities of this case and analyze the ways in which it has been integrated into the national metanarrative. The work is based on field materials collected in Armenia (the city of Yerevan, the village of Nor-Kharberd in the Ararat district, and the villages of Gokhtanik and Hermon in the Vayots Dzor district) and in Russia (the cities of Krasnodar, Moscow, and St. Petersburg) from former residents of the Ordubad, Babek, and Shahbuz districts, as well as the city of Nakhichevan. The massacre of Armenians in Sumgait in February 1988 is perceived by our interlocutors as a point of no return to the peaceful coexistence of Armenians and Azerbaijanis. The expulsion of Armenians from Nakhichevan nine months later is explained through reference to historical trauma and the experience of genocide. The stories about forced displacement reveal tension between the sense of the suddenness of what happened and the justification of its regularity, the loss of subjectivity and the representation of themselves as active participants in the events. A special place in the stories is occupied by the narrative about the destruction of Armenian monuments in the Nakhichevan Autonomous Republic sanctioned by the Azerbaijani authorities. This is perceived as a continuation of the policy of genocide. And this plot is included in the pan-Armenian metanarrative.

Keywords: Armenians, Nakhichevan ASSR, 1988, refugees, deportation, ethnic cleansing

Acknowledgments: This research was carried out with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of project No. 20-59-05013, "*Sacred Sites of Eastern Armenia on the Example of the Historical-Ethnographic Region of Gohtn (Nakhichevan): A Folkloric and Ethnographic Analysis.*" We thank all former residents of Nakhichevan and especially Carlos Agababyan, Silva Babayan, Hambartsum Samvelyan, and Hachik Shmavonyan. This work would not have been possible without the assistance of our colleagues Arusyak Agababyan, Argam Ayvazyan, Artak Vardanyan, Evia Hovhannisyanyan, and Tork Dalalyan.

For citation: Guliaeva, E.Yu. & Andreeva, J.O. (2025) Forced Resettlement of Nakhichevan Armenians in the late 1980s: Chronicle of Events and Categories of Self-description *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 131–151. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/49/7

В истории армян массовые переселения и погромы случались многократно. Геноцид 1915 г. является одним из ключевых элементов метанарратива и важной составляющей этнической идентичности армян (Гучинова 2010: 84; Шагоян 2016). Нередко как продолжение политики геноцида рассматриваются и более поздние события, в том числе бегство армян из Азербайджана в 1988–1992 гг.¹ При этом опыт относительно малочисленных армян – беженцев из Нахичевани часто остается незамечен. Тщательный анализ по большому счету малоизвестной истории исхода нахичеванских армян еще ждет своего вдумчивого исследователя. Сейчас же первоочередной задачей стоит фиксация «живых нарративов» – историй, рассказанных участниками драматических событий уже неблизкого прошлого. То есть всего того, что входит в понятие «коммуникативная память»². Кроме того, одной из задач этой работы является выявление особенностей кейса нахичеванских армян и способов его включения в общенациональный метанарратив.

Мы рассматриваем рассказы о вынужденном переселении 1988–1989 гг. с позиции их участников и обращаемся к категориям, на которых строятся нарративы. Нас интересует, какие понятия использовались для описания изгнания, называли ли информанты себя беженцами? Кто в рассказах предстает действующими лицами – государство, соседи или они сами?

Исследование депортаций и изгнания нередко рассматривается в контексте травмы – события, которое резко изменило всю жизнь группы, и в то же время «процесса, который продолжает оказывать воздействие на отношение людей к своему прошлому и на их восприятие своего настоящего и будущего» (Ушакин 2009: 7). Через эту оптику мы и смотрим на вынужденное переселение армян-нахичеванцев.

Характеристика поля

Данная работа основана на полевых материалах, собранных в рамках совместного с армянскими коллегами проекта, посвященного сакральному пространству Нахичеванской Автономной Республики. В 2021–2023 гг. мы взяли биографические интервью у 42 армян – бывших жителей Нахичеванской АССР. Мы также говорили с супругами наших информантов из других регионов Армении и Азербайджана. Беседы велись на русском языке, в редких случаях нам помогали с переводом соседи и родственники информантов.

Интервью были собраны в Армении (г. Ереван, с. Нор-Харберт Арагатского района и сел Гохтаник и Гермон Вайоцдзорского района) и России (города Краснодар, Москва, Санкт-Петербург). Среди информантов преобладали мужчины в возрасте 50–70 лет. Женщин было всего девять человек, в основном этого же возраста. Гендерный перекося произошел как из-за болезни или отъезда жен, так и потому, что новые контакты мы получали через мужчин. Наши собеседники в основном состояли в браке, примерно у половины из них супруги были родом из Нахичеванской АССР. Спектр профессий был широк: от фермеров и рабочих до бизнесменов, инженеров, учителей и научных сотрудников.

Среди тех, с кем мы говорили, были бывшие жители Ордубадского (с. Парака – 13 человек, с. Бист – 8, с. Алахи – 4, с. Насирваз – 1, с. Аза – 1, с. Цхна – 1), Бабекского (с. Азнаберд – 7 человек, с. Кюльтепе – 1), Шахбузского районов (с. Ариндж – 1, с. Норс – 1, с. Гёмур – 1, п. Шахбуз – 1) и г. Нахичевань (2). Четверо родились за пределами Нахичеванской АССР, но приезжали к родным в села Ордубадского района.

Большинство наших информантов уехало из Нахичевани еще в 1960–1980-е гг., но на родине у них оставались родители, к которым они приезжали на выходные, каникулы и в отпуск. Нередко эти люди участвовали в ведении хозяйства, строили себе дома, которые предполагали использовать как дачи, забирали пожилых родителей на зиму в Армению. Из наших собеседников примерно треть сами бежали в 1988 г. (некоторые в критический момент приехали к родным и поэтому стали участниками событий), остальные слышали рассказы об изгнании от своих близких и соседей.

В 1979 г. в Нахичевани армян насчитывалось 3,4 тыс. или 1,4% населения, при этом расселены они были неравномерно. Около 900 человек проживало в городах, 2 500 в селах (Всесоюзная перепись 1979). В Шахбузском районе, судя по свидетельствам информантов, армян к тому времени уже практически не было. Около 2 000 человек проживали в крупном моноэтничном армянском селе Азнаберд (Ազնաբերդ) или в просторечии Знаберд Бабекского района³. В Ордубадском районе, видимо, проживало примерно 500 человек (ПМА АБ). Здесь единственным моноэтничным армянским селом была Парака (Փարակա) или Парага. В селах Бист (Բիստ), Алахи (Ալախի), Насирваз (Նասիրվազ) или Месропаван (Մեսրոպավան), Рамис (Րամիս), Цхна (Շինա)⁴ и Верхняя Аза (Վերին Ազա) в послевоенный период армяне и азербайджанцы⁵ жили вместе. Согласно нашим материалам, в возрастной структуре армянского населения Нахичевани преобладали пожилые люди⁶.

Хроника событий

Ордубадский район. Одними из первых в апреле-мае 1988 г. решили уехать 20 армянских семей из с. Цхна, в котором в 1978 г. А.Е. Тер-

Саркисянц зафиксировала 45 армянских домохозяйств, составлявших три четверти от общего их числа (Тер-Саркисянц 1983: 99). Часть жителей поехала в Армению через г. Мегри, а половина – через с. Ерасх⁷. Среди последней группы были родители одного из наших собеседников. Они не смогли продать свой дом в Цхне и не получили позже статус беженцев в Армении (ПМА НО). Несколько информантов рассказывали, что еще осенью 1988 г. они свободно приезжали помогать родителям убирать урожай. Правда, с сентября местные жители стали отсылать женщин с детьми и молодежь к родственникам в Армению.

В октябре решили переехать последние 6–7 армянских семей с. Алахи. Поскольку они были пчеловодами, то искали подходящее для этого занятия место. Родственники в Армении помогли им купить дома в азербайджанском с. Кабахлу (азерб. «Передовик», современное название – Гохтаник) на территории Ехегнадзорского района Армянской ССР (сейчас Вайоцзорская область Республики Армения). Алахинцы смогли увезти часть движимого имущества и своих пчел. Некоторые из них позже не были признаны беженцами и не получили компенсацию за оставленное имущество, так как «уже убежали» (ПМА УФ).

В начале-середине ноября 1988 г. в г. Ордубад прошла срочная сессия районного исполкома, на которой обсуждалась ситуация в Карабахе и «началось конкретно против армян» (ПМА КЛ). В результате три армянских председателя сельсоветов – из Биста, Параки и Цхны были сняты со своих должностей.

В 20-х числах ноября 1988 г. остававшиеся в Нахичевани армяне оказались заблокированы: «Думали, что нападут или что. Две машины выехали, остальные, кто приехал, в блокаде остались. И так где-то неделю. А потом договорились» (ПМА ЗИ). Несколько эмоционально напряженных рассказов мы слышали о «последних рейсах» на машинах.

Инф.: Я 13 лет этой дорогой (через Садарак. – Е.Г., Ю.А.) ездил к собственной матери в деревню, все инспектора меня знали. <...> Подъехал старший лейтенант, поздоровался: «Ну, что? Знаешь, что случилось? – Нет. – Сумгаитский автобус приехал в Нахичевань через Ереван <...>. Из футбола вышли (ереванские болельщики. – Е.Г., Ю.А.), разбили автобус». Я говорю: «Ничего не знаю». А там в Садараке пост был. А мы на двух машинах были. <...> В моей машине родители и сосед. <...> Второму водителю сказал: «Подъезжай поближе к илагбауму и не заглушай машину». Уже инспектор мне сказал <...>: «Знаете, что наш автобус... мы им ничего не сделали». – «Наши тоже в Сумгаите никому ничего не сделали. А вы же...». Сумгаитцы их избили, убили, резали. Да... «Я не виноват, и вы не виноваты. Так что...». Инспектор говорит полицейскому: «Открой илагбаум». Говорит: «Нет, не открою». Он сержант, а это старший лейтенант, он говорит: «Открой, я тебе говорю». А я уже этому водителю сказал: «Если увидишь, что нас бьют или кое-что, давай, не бойся, тарань илагбаум». Но этот старший лейтенант сам подошел, открыл илагбаум, сказал: «Давай, езжайте». И это был уже все – последний рейс (ПМА ЕЖ).

В рассказе ярко проявляется включенность в происходящее: не пассивное, а активное участие в независящих от наших героев обстоятельствах.

22 ноября в с. Парака, где оставалось уже не более 80 армянских семей⁸, приехало несколько азербайджанцев из соседнего с. Биляв. На собрании в сельсовете они объявили, что в их село прибыло несколько человек из Баку, они упрекают местных в мирном сосуществовании с армянами и рассказывают, что азербайджанцы воюют с армянами в Карабахе. Выступавшие дали понять, что не знают, как долго смогут удерживать свою молодежь, и посоветовали армянам уезжать. По сообщению другого нашего собеседника, некоторые билявские азербайджанцы охраняли Параку. 23 ноября был предоставлен автобус совхоза с. Биляв. Паракинцы смогли захватить лишь документы и кое-какие ценности. Некоторые передали дома или часть имущества на сбережение своим азербайджанским кирва⁹ или друзьям. Как правило, эти вещи были сохранены и потом переданы их владельцам.

Жителей Параки повезли к границе с Арменией в направлении г. Мегри в сопровождении местных азербайджанцев: *«Дали один автобус, и этот кавор-кирва»¹⁰, кирва-азербайджанец сопровождал автобус до Мегри, через Ордубад, наверное»* (ПМА ШЭ).

В Бисте, где, по словам бывшего председателя сельсовета, в последние годы из 120–130 семей жило 25 армянских, такая же ситуация повторилась 27 ноября. 49 армян на совхозных грузовиках увезли в сторону г. Мегри (ПМА КЛ, ВГ). Перед этим несколько молодых армянских мужчин, гостивших у родственников, после неудачной попытки выехать по автомобильной дороге ушли из Биста через горы в сторону г. Каджаран. В пути они поменяли направление на г. Сисиан, куда добрались примерно через сутки.

В ноябре на автобусах и машинах вывезли последних армян из сел Верхняя Аза¹¹ и Рамис¹². По рассказам третьих лиц, отъезд проходил в более жестких условиях: *«там плохо было»* (ПМА ВГ). Часть беженцев из Азы остались в г. Мегри, некоторые поселились в расположенном неподалеку с. Легваз, откуда в том же ноябре 1988 г. выехало азербайджанское население. Остальные изгнанники на автобусах отправились в Ереван. Там некоторые поселились в гостинице «Эребуни», другие – у родственников. Последнее несколько смягчило трагичность событий: люди уезжали не совсем в никуда. Следует отметить, что интеграцию нахичеванцев в принимающее общество в Армении облегчало не только наличие социальных сетей, возникших в результате интенсивной миграции из Нахичевани в 1960–1980-е гг., но и то, что в отличие от армян из других частей Азербайджана они были армяноязычными.

Вскоре нахичеванцам стали предлагать селиться преимущественно в бывших азербайджанских селах Араратского и Ехегнадзорского районов¹³. Многие беженцы из Биста, Насирваза и Параки поехали к соседям-алахинцам в Кабахлу, одни почти сразу, другие спустя некоторое время.

В начале 1990-х гг. ордубадские армяне, т.е. выходцы из Гохтан-гавара, переименовали Кабахлу в Гохтаник¹⁴. При этом в селе также были беженцы из других частей Азербайджана: «17 мест здесь люди жили» (ПМА ВГ). Помимо бывших жителей Алахи, Азы, Дер, Биста, Насирваза, Параки, Джульфы и Азнаберда, в Кабахлу оказались бакинцы, сумгаитцы, кировбадцы, а в 1991 г. приехали карабахцы из сел Мартунашен¹⁵ и Геташен¹⁶. Похожая картина наблюдалась и в соседних селах¹⁷. Беженцы, бывшие в Азербайджане горожанами, в основном продали дома и вскоре уехали, в то время как некоторые давно живущие в Армении ордубадские армяне по тем или иным причинам, наоборот, переехали в Гохтаник к родственникам или купили там дома¹⁸.

Азнаберд. В с. Азнаберд в 1978 г. этнограф А.Е. Тер-Саркисянц зафиксировала 362 семьи (Тер-Саркисянц 1983: 99). Филолог и публицист А. Варданян считал, что до 1980-х гг. в нем проживало около 450 семей, или примерно 2 000 человек (Варданян 2010: 41). Уже весной 1988 г. сельчане перестали ездить на заработки в г. Нахичевань. Сельская молодежь организовала отряды самообороны и все лето и осень 1988 г. охраняла свою территорию. Однако все еще можно было ездить из деревни в Армению и обратно.

22 ноября в сельсовет позвонили и сказали, что в г. Нахичевань и/или с. Нехрам был митинг, и на Азнаберд идет толпа в 500–600 человек. Информанты, рассказывая об этом, сами не могли определиться, предупредили ли их или хотели напугать. Одновременно с погромщиками прибыли войска, но сдержать толпу они не смогли. Однако азнабердцы оказали сопротивление нападавшим с помощью охотничьего оружия и самодельных гранат. Погромщики «получили достойный отпор: трое были убиты, а семь ранены» (Варданян 2010: 48). Толпа разбежалась. Военные оцепили Азнаберд, чтобы не пропускать никого в село и не выпускать из него, кроме того, был проведен обыск: *«Начали искать оружие в каждом доме. А мы хитрые, дома ничего не оставили, нам сказали уже... Ничего не нашли. "У нас не было оружия, они сами напали, сами взорвались"»* (ПМА ДЕ).

Азнабердцы в рассказах не предстают в образе жертвы. В навязанных условиях они сохраняют субъектность и чувство собственного достоинства. Оборона Азнаберда длилась около 10 дней. Сообщение с Арменией было налажено через горы в направлении г. Азизбеков¹⁹. На границе в горах установили блокпост, через который на помощь односельчанам приехали выходцы из Азнаберда, проживавшие в разных частях Армении.

После того как выпал снег, армянские власти Азизбекова заявили, что они не в состоянии поддерживать связь с селом через горы и обеспечить защиту, поэтому посоветовали азнабердцам уезжать. Были присланы грузовые машины, и в середине декабря из села ушли последние армяне (ПМА БВ). В г. Масис им были предоставлены места в общежитии. Позже власти предложили азнабердцам селиться в бывших азербайджанских селах. Многие оказались в Вайоцдзорской области и Ереване²⁰, кто-то уехал за пределы Южного Кавказа. Как выразился один наш собеседник, *«знабердцы разбросаны как армяне в мире...»* (ПМА ДЕ). По сути, так информант вписал судьбу односельчан в общеармянский нарратив о рассеянном не по своей воле народе.

Город Нахичевань, села Кюльтепе и Норс. О других примерах организованного коллективного выезда армян мы не слышали, но нам рассказывали о единичных случаях. Например, с. Кюльтепе покидали две армянские семьи и одна смешанная, где армянин был женат на азербайджанке (ПМА МН). Один из наших собеседников вывозил своих родственников из г. Нахичевань с помощью своих бывших сослуживцев – русских офицеров погранвойск (Там же). В с. Норс последнему армянину помогли соседи-азербайджанцы. Иными словами, огромную роль в бескровном исходе играли личные связи. При этом в собранных нами рассказах много свидетельств того, что азербайджанское общество не было однородным:

Соб.: *А это была полная неожиданность? Или нарастала постепенно тревожность?*

Инф.: *Нет, ну знали, что в Сумгаите зарезали, убивали и как бы... уже как бы и слышали, но, конечно, мы не всерьез принимали, а потом постепенно слышали, что еще где-то, еще где-то. Уже мы слышали, что армяне оттуда хотят уходить, уезжать. И как бы... нам стало как-то и страшно, и с одной стороны, спокойно. Некоторые соседи к нам подошли прямо, сказали: «Никуда не уезжайте. Мы вам не дадим!» Даже тогда работала в нефтебазе... я работала оператором, и вот, никто не знал, что я армянка. Когда я посылала накладные и как бы, отпустили там бензин, солярку или что – и вот когда взяли талон и спустились ко мне, и там разговаривали. <...> И сказали, что N тоже уедет. А некоторые: «Как это N уедет? А она зачем уезжает?» – «А она же армянка». – «Да не может быть!» – «Ну да, на самом деле армянка». – «Да не может быть!» Потом... а этот клиент как бы... он в районе работал, ну, когда подошел, всегда разговаривали, вижу, он подошел, отдал документы и так на меня смотрит, ну, как бы мне тоже неловко, зачем он на меня так внимательно смотрит? «Можно задавать вам вопрос?» Говорю: «Ну, задавайте». Говорит: «А точно вы армянка?». Я говорю: «Да». Он говорит: «Не верю». Говорю: «Ваше право – хотите, не хотите. Но на самом деле я армянка». И он потом думал-думал, ну, не знаю, что он потом. Через некоторое время он подходит, мне говорит: «Можно так: если армяне нападут – вы меня будете прятать, а если азербайджанцы нападут – я вас буду у себя дома прятать?» Я говорю: «С каких пор? Сколько вы будете?». Потом был еще мужчина, а его бабушка была армянка, он подошел, мне говорит: «Слушай, N, я уже жене все сказал, она кому-то освободит для вас, чтобы как бы... вы у меня будете жить».*

Соб.: Убежище, да?

Инф.: Ну как бы... они не хотят, чтобы я уехала. (ПМА СТ).

После вынужденного отъезда некоторым армянам удалось снова побывать в родных местах. Из рассказов информантов следует, что поездки были организованы властями и совершались самостоятельно. Ситуация с такими посещениями не была уникальной для нахичеванцев. Антрополог Э.Г. Оганнисян писала о низовой кооперации армян и азербайджанцев: «Процесс переселения проходил поэтапно: представители обеих сторон (Армении и Азербайджана. – Е.Г., Ю.А.) в течение почти трех лет приезжали и уезжали в свои бывшие места проживания, увозили имущество, оформляли документы, продавали дома, продолжали ухаживать за кладбищами и т.п.» (Оганнисян 2017: 45). Расселением прибывших в Армению беженцев и распределением жилья занимались центральные и местные власти, а также специальная комиссия.

Внезапность vs ожидаемость

С одной стороны, наши собеседники рассказывали, какой неожиданностью стали развал СССР, вражда с азербайджанцами и вынужденное бегство из родных мест. Складывается впечатление, что следствием «неверия» стало то, что многие ордубадские армяне не поехали сразу в с. Кабахлу. Живя у родственников, они ожидали, что скоро можно будет вернуться домой.

С другой стороны, те же люди говорили, что все произошедшее было предсказуемо. Неоднократно мы слышали предания о полковнике Андранике (1865–1927)²¹ и Гарегине Нжде (1886–1955)²². Из рассказов становится понятным, что наши собеседники отдавали себе отчет в том, что они погубили многих азербайджанцев. Подобные рассказы не только указывают на столкновение двух групп населения в прошлом («Знали, как села между собой воевали» [ПМА ИК]), но и демонстрируют успешность в борьбе армянской стороны. Таким образом, преемственность замыслов тюркских/турецких соседей затрагивает, по представлениям наших информантов, уже не одно поколение, а политика выдавливания армян с территории Нахичевани относится к первым десятилетиям XX в.

О закономерности произошедшего в 1988 г. изгнания армян свидетельствуют и ссылки на целенаправленную политику притеснения Гейдара Алиева:

Ну, скажем, Алиев, Гейдар Алиев из Нахичевани. Он так все строил, что кто... в Нахичевани, ну... до... ну в 50-х годах большинство были армяне. Но он так все закрыл университеты и техникумы, и все, что... кто там закончил учебу, пришел в Ереван, обратно, чтобы не пришел. И так постепенно там азербайджанцы стали большинством, и... я сказал, в 83-м году уже было пять... в наше селе всего

было пять учеников. Негде было учиться, негде работать. Что делать? Пришли, остались в Армении (ПМА ИК).

Предсказуемость событий наши собеседники сегодня неоднократно подтверждают и тем, что армяне выезжали из Нахичевани заблаговременно в течение нескольких десятков лет:

Инф. 1: *Вообще-то, вражды такой не было. Но все-таки... но все-таки...*

Инф. 2: *Все-таки они турки.*

Инф. 1: *Все-таки геноцид у нас был в сердце (ПМА ИК, ШЭ).*

Объяснение изгнания обусловлено ретроспективным взглядом, выстраивающим логику произошедшего через его сцепление с геноцидом, конфликтами армян и азербайджанцев начала XX в. и в период Первой мировой и Гражданской войн, политикой Гейдара Алиева.

Дружба народов

Другой сквозной мотив всех интервью связан с неверием в то, что добрососедские отношения могут внезапно смениться агрессией. Пожилые информанты не раз подчеркивали, что в советское время этничность не была для них значима: *«Раньше не было – это армянин, это азербайджанец»* (ПМА ЦЧ). Многие делали упор на то, что армяне пользовались уважением азербайджанцев и даже занимали привилегированное положение.

Следует отметить, что в том, как рассказывают армяне-нахичеванцы о своих бывших соседях, есть прямые параллели с особенностями «коммуникативной памяти» нахичеванских азербайджанцев: «...мотив “армяне-друзья” эксплицирует тему “дружной семьи” народов региона, гостеприимства и смешанных браков. Эти воспоминания интересны нарочитой деактуализацией этноконфессиональных групповых границ и отсылкой к советской общности, вызванной “сладостным чувством ностальгии”» (Баранов, Шорохов 2024).

Безусловно, в рассказах присутствует идеализация прошлого. При этом один и тот же человек после примеров взаимного расположения и констатации высокого статуса армян среди азербайджанцев легко переходил к рассказу об этнической сегрегации на бытовом уровне и анти-азербайджанских настроениях в армянской среде. Так, мать одного собеседника рассказывала ему о гибели своего брата в 1918 г. и неприятии «турок» (ПМА ФХ). Другой информант приводил слова своего деда: *«Турок будет золотым, в карман не клади»* (ПМА КЛ).

Тем не менее поражает, что даже после бегства, Первой Карабахской войны (1992–1994 гг.), Четырехдневной войны (апрель 2016 г.), Второй Карабахской войны (осень 2020 г.) и блокады Арцаха (с конца 2022 г.)²³

информанты тепло отзывались о своих соседях – нахичеванских азербайджанцах: *«Соседи (азербайджанцы. – Е.Г., Ю.А.) сочувствовали, сочувствовали. <...> С Нахичеванью так не поступили (как в городах Сумгаит и Баку. – Е.Г., Ю.А.). Может быть, какие-то подлецы были, но другие азербайджанцы – нет»* (ПМА ЛМ).

В другом интервью во фразе *«Наши азербайджанцы наших до Мегри повезли»* (ПМА РС) обращает на себя внимание использование местоимения «наши». Агрессивные действия в отношении армян нередко связывали с «чужими» азербайджанцами – беженцами из Армении и агитаторами из Баку. Иными словами, информанты достаточно последовательно придерживались мнения, что ответственность за изгнание армян не лежит на бывших соседях-азербайджанцах²⁴, она возлагается в первую очередь на политиков.

Во многих рассказах информанты упоминают тех, кто в разной степени, но помогал, предоставлял ночлег, защищал от своих и сохранял имущество армянских соседей и друзей. Впрочем, с течением времени прошлое пересматривается: в таких рассказах можно найти влияние официальных нарративов сегодняшнего дня. Некоторые информанты видят в поступках соседей корыстные мотивы. Встречались также и рассказы о том, как знакомые азербайджанцы прибегали к угрозам, кидали камнями, били стекла, воровали имущество и быстро захватывали дома. Однако серьезных столкновений в Нахичевани не было: о погибших армянах наши информанты не рассказывали. Это отчасти позволяло нашим собеседникам говорить о том, что человеческие качества не соотносятся с этнической принадлежностью.

В конце 1980-х гг. власти Азербайджана и Армении применили на Кавказе хорошо знакомый им советский опыт депортаций по этническому признаку. Сейчас события в Нахичевани рассматриваются прежде всего через призму этнического конфликта, вписываются в общую историю преследований армян и уничтожения их исторических и культурных памятников. В свою очередь, этнизация – механизм распространения травмы на всех армян (Шагоян 2016) и фактор формирования долгой памяти (Шагоян 2021: 75). «Живая память» демонстрирует в том числе альтернативные примеры поддержки и сочувствия азербайджанцев армянам и наоборот.

Агентность

Исследовательский тезаурус, относящийся к событиям депортации и насильственной миграции, обычно воспроизводит «язык власти» и предполагает отсутствие выбора у вынужденных переселенцев и беженцев (Шагоян, Гучинова 2023: 136–137). Потеря субъектности прослеживается и в нарративах наших собеседников:

Оттуда нас выгнали в 1988-м году (ПМА КЛ).

Просто сверху дали команду каждый день одно село должно по очереди освободить. Вот так мы вышли (ПМА ЗИ).

В последней фразе пассивная позиция сменяется активной, и это совсем не единичная ситуация. Наши собеседники часто представлялись деятельными участниками событий: они уговаривали стариков уезжать, вызволяли семьи, давили на органы власти, передавали дома конкретным соседям, выбирали новое место жительства. Нередко происходившее в 1988 г. описывалось в терминах активного сопротивления. Иными словами, режим памяти «борьбы и страданий» (Budrytė 2018: 103–104) очень близок нахичеванцам, рассказывающим о прошлом, хотя, конечно, и не ограничивается этой рамкой. Азнабердцам важно было показать, что армяне покидали свое село не трусливо убегая, а сделав все, что было возможно, чтобы отстоять свою землю: *«А мы оборонялись и дали ответ, и они убежали вместо этого и было убито, у нас никого не было убито»* (ПМА ДЕ). В то же время тональность рассказов о борьбе была разной. Одни подчеркивали, что хоть и сражались подручными средствами, но делали это умело, и столкновения даже привели к погибшим со стороны врага. Другие акцентировались на обороне и нежелании убивать: *«Мы армяне, мы не убийцы»* (ПМА БВ). Третьи прибегали к утрозам:

Говорит: «А председатель сельсовета, не сельсовета, совхоза, директор совхоза, там N был, он сказал, что никого там нету». «Ты что? – говорю, – как никого нету? Тебе по фамилии дать список? У меня там 49 человек, пофамильно все есть. Вот смотри!» Прямо так я грозился секретарю райкома. Говорю: «Вот смотрите, если... в том числе мои родители там, если с одного хоть волосок упадет, пеняйте на себя, я прошу, чтобы их сюда привели. Если упадет, видите, эти горы? Через горы ночью пройдем, там уже как бы Армения вокруг, вы знаете, что может быть» (ПМА КЛ).

Предостережение в ситуации неопределенности и территориальной оторванности Нахичевани от Азербайджана, безусловно, звучало серьезно.

Проявление субъектности можно видеть и в том, как используется категория «беженец». Наши собеседники уточняли, кто является беженцем, а кто нет. Часто они следовали формальному критерию признания статуса: кто-то получил жилье и компенсации, а кто-то «вышел раньше» или купил дома позднее в 1990-е гг.

Отчасти в интервью прослеживалось негативное отношение к понятию беженец в подчеркивании того, что некоторые *«хотели жалости, кто-то не хотел это слово использовать»*, *«Вынужденные – нехорошее слово, на жалость хотели»* (ПМА ИК). Вероятно, тут сказывается влияние «негативной стереотипизации “образа беженца”», когда «принимающее общество дискурсивно угнетало и символически элиминировало беженское население» (Оганнисян 2017: 50). Но можно привести пример отказа

от этого статуса и по другим причинам. Так, особый интерес представляет высказывание информанта, переселившегося из с. Азнаберд в 1988 г.: «Мы на родину пришли. С родины пришли на родину, мы себя так (как беженцы. – Е.Г., Ю.А.) не чувствуем» (ПМА ГД). Родное село информанта и регион Вайоцзор составляют одну историко-этнографическую область, на территории которой был распространен один джаук-вайкский междialeкт²⁵. Поэтому можно говорить о том, что он считает, что его семья переместилась, но «свою» территорию не покинула.

Надо заметить, что мы говорили по-русски, наши собеседники использовали слово «беженец», а на армянском использовали эквивалентом слово «пахстакан» (*pakhstakan*) и выражение «вынужденные уехать» – стипвац энк екел (*stipvats enq ekel*), реже гахтакан (*gaghtakan*) – «переселенец», «мигрант», «беженец». Если мы спрашивали о термине «депортированный» – брнагахтвац (*brnagaghtvats*), то информанты соглашались с его использованием в отношении себя, но сами о себе так не говорили. Все эти примеры показывают, что категория «беженец» не является однозначной, и отношение к ней информантов обусловлено влиянием властного или общественного дискурса. Это также можно объяснить тем, что «...одна из особенностей любых травматических воспоминаний связана с попыткой человека рассказать о своей травме и одновременно избежать репрезентации себя в качестве жертвы. <...> Попытка представить опыт вынужденного переселения или депортации результатом выбора и принятого решения служит одной из стратегий избегания статуса жертвы. <...> В воспоминаниях о прошлом мы видим не жертв обстоятельств... а тех, кто, оценив ситуацию, решил выйти из нее тем или иным образом» (Мельникова 2023: 56–57).

Уничтожение армянских памятников в Нахичевани

Э.-Б. Гучинова (2021: 32) в одной из своих работ, посвященных депортации калмыков, отмечает, что современная память о трагических событиях часто проявляется в форме постпамяти (Хирш 2022), т.е. представляет их, основываясь не на личных воспоминаниях, а на социальном воображении. Мы заметили, что наши собеседники проводят параллели (и даже ставят в один ряд) с событиями как сегодняшнего дня, так и вековой давности. Геноцид армян начала XX в. – сквозной мотив, всплывающий при описании выселения армян с исконной для них территории, в том числе и из Нахичевани. Язык травмы для армян непосредственно связан с тяжелым событием для всего народа, и служит готовым ответом для интерпретации всего происходящего (Там же: 43; Шагоян 2021: 74):

...в [19]88 году, когда дядя приехал в автобусе Мегри – Ереван... В Нахичевани есть автобусная станция, заходит туда, 20 минут останавливается, если кто-то выходит-заходит, хочет выходить, садиться. Ну, наши парни вышли там

курить, ихние молодые парни пришли, начали их бить, ничего не говоря. А мы откуда знали, что уже начался этот геноцид по приказу (ПМА ОП).

Во многих интервью есть еще одна очень важная для информантов тема – санкционированное властями Азербайджана разрушение армянских святынь в Нахичевани, и в первую очередь – известного кладбища IX–XVII вв. в Джуге.

Исчезновение памятников, которое устанавливается по гугл-картам²⁶, многими нашими информантами рассматривается как уничтожение свидетельств армянского присутствия в Нахичевани, как продолжение геноцида. В формировании ощущения утраты огромную роль сыграли книги Аргам Айвазяна (Արգամի 1978; Айвазян 1981, Արգամի 1986; Ayvazyan 1990 и др.). Исследователь создал описание армянских памятников Нахичевани и предъявил их не только миру, но и самим нахичеванским армянам, не часто бывавшим за пределами своего родного ущелья.

В одном случае (после совместного просмотра с информантом одной из работ Аргам Айвазяна) наш собеседник пояснил, что Алиев старший начал уничтожение хачкаров Джуги, а Алиев младший завершил. Далее речь зашла о сравнении ситуации в Нахичевани и Карабахе:

Соб.: Почему как с Карабахом не получилось в Нахичевани? Почему не смогли армяне...

Инф.: Там много не могли. Мало было нас...

Соб.: Мало армян было?

Инф.: Да. Белый геноцид знаете, что такое? Они уже в Нахичевани сделали белый геноцид. Эти пропуска²⁷. Сколько они есть, они поставили. Я хочу идти в село, пропуск просят, а в одном году дали один пропуск несколько дней, без... родственники все там. Поэтому мало-мало и пришли в Армению (ПМА ФХ).

Понятия «белый геноцид» (*spitak tseghaspanutyun*), в данном случае отсылающее к ситуации, когда люди остались живы, но все потеряли, встретилось нам в интервью всего однажды. Но оно тоже подтверждает использование травмы геноцида как метанарратива. Однако у рассказов об уничтоженных памятниках есть и еще одна функция. Они включают историю нахичеванцев в общеармянский нарратив, так как представляют разрушенные церкви, монастыри и хачкары как потерянное общеармянское наследие. Таким образом, у нахичеванских армян появляется свое особое место в коллективной памяти армян.

Выводы

Произошедшие в феврале 1988 г. погромы армян в г. Сумгаит не сразу были восприняты нашими информантами как точка невозврата к ситуации мирного сосуществования двух народов. Изгнание последовало через девять месяцев. Сейчас Сумгаит видится поворотным событием; погромы, убийства и последовавшее принудительное выселение получают

объяснение через обращение к прошлому и геноциду. В рассказах мы видим три вида травм: «травма как опыт утраты, травма как символическая матрица и, наконец, травма как консолидирующее событие» (Ушакин 2009: 8). Утрата родины приводит к попыткам установить логику произошедшего, рассмотреть нередко разрозненные события в целостности, поэтому в прошлом наши собеседники находят многочисленные сигналы тревоги. Второй аспект – это то, что пережитый опыт «превращается в повествовательную матрицу, придающую логику связного сюжета раздробленным фактам индивидуальной или коллективной биографии» (Там же: 8–9). Ссылки на Геноцид становятся объяснением жесткого этнического разделения и войны за территорию. Сообщество утраты (Там же: 10) – это «Общество нахичеванских армян», оно включает в себя как непосредственных участников трагических событий, так и тех, кто считает себя связанным с потерянной территорией, наследием и страданиями предков, но не пережили личных потрясений. Из-за уничтожения в Нахичеванской Автономной Республике армянских памятников сообществом утраты фактически становится все армянское общество. Рассказывая об этом, нахичеванцы находят свое особое место в общеармянском нарративе, поскольку разрушение армянских монастырей, церквей и кладбищ рассматривается ими как продолжение геноцида.

Опыт нахичеванских армян сходен с опытом других армян – беженцев из Азербайджана, но он имеет и свои особенности. По словам наших собеседников, в Нахичеванской АССР погибших не было. Большую роль тут сыграли личные связи между армянами и их соседями-азербайджанцами, которых многие до сих пор тепло вспоминают. Безусловно, в рассказах присутствует идеализация прошлого, но, с другой стороны, нельзя не отметить, что память нахичеванцев испытывает воздействие антиазербайджанского дискурса.

Интеграция сельских нахичеванцев в принимающее сообщество Армении во многом прошла легче, чем у других беженцев из Азербайджана. Это связано в том числе с тем, что они были армяно-, а не русскоязычными. Кроме того, из-за интенсивной миграции из Нахичевани в Армению в 1960–1980-е гг. многие имели близких родственников и могли полагаться на помощь односельчан. Видимо, поэтому в рассказах практически не прослеживается противостояние между беженцами и местными армянами. Вероятно, играет роль и то, что в сельской местности селились нахичеванские армяне в бывших азербайджанских селах, где не было армян-старожилов.

В нарративах информантов в осознании изгнания мы фиксируем напряжение между ощущением внезапности произошедшего и обоснованием его закономерности. Точно так же потеря субъектности сосуществует с репрезентацией себя в качестве активных участников событий, хотя и пострадавших, но сохранивших достоинство. Даже категория «бе-

женец» не является для наших собеседников однозначной. Ее могут использовать как ожидая сочувствия, так и оправдываясь, что таковыми не являются.

Примечания

¹ Другие кейсы см.: (Гусейнова и др. 2008; Харатян 2008; Оганисян 2017).

² «Коммуникативная память охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками» (Ассман 2004: 52).

³ На советских картах – Азнабюрт, сейчас – с. Чалханкала (Çalhanqala) Кенгерлинского района.

⁴ Сейчас – с. Чаннаб (Çənnəb).

⁵ Наши информанты называли азербайджанцев по-армянски «т'урк'» (թըրք), по-русски – азербайджанцами.

⁶ Это подтверждают и данные этнографа А.Е. Тер-Саркисянц (Тер-Саркисянц 1983: 99–100).

⁷ Видимо, какая-то часть армян там еще оставалась: «В Цхне армяне жили до конца, там женщина председателем была» (ПМА КЛ).

⁸ Сведения о количестве жителей немного разнятся. В Параке, по словам самого старшего из наших информантов, в 1950-е гг. было около 420 семей (ПМА ЦЧ), в 1970-е гг. оставалось около 100 домов и примерно 50–60 постоянных жителей (ПМА ХЦ). По словам другого информанта, до конца 1980-х гг. оставалось 82 семьи, состоящих из одного-двух пожилых человек (ПМА ЦЧ). Третий паракинец подтверждал, что там проживали только пожилые люди, но считал, что до конца оставались около 30 семей (ПМА ЗИ). Другой информант полагал, что к 1988 г. жилыми были 30–40 домов (ПМА ИК). Одна собеседница утверждала, что вышло из Параки 67 жителей, 50–60 домов было покинуто (ПМА ХЦ). Еще один человек составил поименный список беженцев. По его данным, село в ноябре 1988 г. покинуло 106 человек, оставлено было 53 жилых дома (ПМА ЧШ).

⁹ Кирва – у некоторых мусульманских народов Кавказа человек, который держит ребенка при обрезании. Роль кирва похожа на функции крестного отца у христиан. В Нахичевани азербайджанцы часто приглашали армян быть кирва. Во второй половине XX в. участие в обряде уже не было обязательным, наименование кирва стало обозначением близкого друга семьи. О кирва в Нахичевани см.: (Андреева, Гуляева 2022: 128–129; Баранов, Гуляева 2023).

¹⁰ Кавор (арм.) – крестный отец.

¹¹ Е.А. Тер-Саркисянц в 1978 г. в с. Верхняя Аза зафиксировала 61 армянскую семью, оставшуюся четверть населения составляли азербайджанцы (Тер-Саркисянц 1983: 99). В конце 1980-х гг. село покинуло примерно 20 семей (ПМА ЖЗ).

¹² До 1940-х гг. там было около 100 домов, в 1960-х гг. – 30–40, в 1988 г. уезжали – 8 семей (ПМА НО). Еще один собеседник говорил, что, когда он приезжал туда на каникулы к родственникам в конце 1960-х гг., там было около 15 армянских домов (ПМА ПР).

¹³ По нашим данным, ордубадские армяне осели (по современному административному делению) в городах Ереван, Масис, Абовян, в Араратской области в селах Ехегнаван (ранее – Шидлу), Ноякерт (Халиса), Урцадзор (Карабаглар), в Вайоцзорской области в г. Ехегис (Алаяз), селах Гермон (Кавушуг), Гохтаник (Кабахлу), Вардавит (Гюлидуз), Хорс (Горс).

¹⁴ О переименовании как средстве освоения пространства беженцами см.: (Харатян 2008).

¹⁵ Сейчас – Гарабулаг / Карабулак.

¹⁶ Сейчас – Чайкенд.

¹⁷ Нам рассказывали, что в с. Кавушут (сейчас – Гермон) поехали бывшие горожане, так как там был Реле-завод, где они могли бы работать, а в с. Кабахлу предлагали ехать сельским жителям, так как были условия для содержания животных (ПМА ТУ).

¹⁸ Кто-то старался купить дом рядом с родственниками и односельчанами, кто-то для того, чтобы иметь дачу или жить там после выхода на пенсию. В начале 1990-х гг. важным фактором был тяжелый кризис в Армении (из-за упадка хозяйства Республики в результате распада СССР, последствий землетрясения, Карабахской войны, блокады со стороны Турции и Азербайджана, продолжающейся по сей день), тогда на селе было легче выживать, чем в городах. В начале 1990-х гг. в школе обучалось около 40 детей. Сейчас в Гохтанике зимовать остаются около 40 человек, летом число жителей доходит до 200 (ПМА ФХ), или, по словам другого собеседника, зимой 30–35 домов жилые, а всего домов в деревне 120. В школе в 2021 г. было 16 учеников и 11 учителей (ПМА ИК).

¹⁹ Сейчас – г. Вайк Вайоцзорской области.

²⁰ По нашим данным, азнабердцы помимо городов Армении стали жить в селах Нор-Азнаберд / Верин Азнаберд (Гюлистан), Хндзорут, Хачик, Зедеа (Зейта), Ехегис (Алаяз), Гермон (Кавушут), Гохтаник (Кабахлу), Вардаовит (Гюлидуз), Шатин (Гасанкенд), Артаван (Джул), Ехегнаван (Шидлу), Ноякерт (Халиса).

²¹ Андраник Озаян (1865–1927) – армянский полководец, один из лидеров движения за независимость Армении.

²² Гарегин Нжде (1886–1955) – армянский военный и политический деятель. Сражался за независимость Армении в начале XX в. Считается, что благодаря успешным действиям в Зангезуре (Сюнике) возглавляемых им вооруженных формирований против турецко-азербайджанских сил этот регион остался в составе Армении.

²³ Ко времени исхода карабахских армян осенью 2023 г. наша полевая работа уже была завершена.

²⁴ Сходная ситуация, когда к «своим чужим» относились лучше, чем к «чужим своим», фиксировалась другими авторами (Оганнисян 2017).

²⁵ О джаук-вайском междиалекте см.: (Չիլրղիշիւմի 2020).

²⁶ См. об этом: (Khatchadourian et al. 2022; Ayvazyan 2023).

²⁷ Важным фактором жизни в Нахичеванской АССР был приграничный статус территории, введенный, видимо, после вступления Турции в НАТО в 1952 г. Для въезда людям, не имеющим прописки в Республике, в том числе ее бывшим жителям, требовался пропуск, который выписывался по месту жительства человека при условии предоставления справки из нахичеванского сельсовета, подтверждающей право посетить родственников или знакомых.

Полевые материалы авторов (ПМА)

АБ. Муж., 1951 г.р., родился в с. Азнаберд.

БВ. Муж., 1964 г.р., родился в с. Азнаберд.

ВГ. Муж., 1964 г.р., родился в с. Бист.

ГД. Муж., 1958 г.р., родился в с. Азнаберд.

ДЕ. Муж., 1952 г.р., родился в с. Азнаберд.

ЕЖ. Муж., 1951 г.р., родился в с. Алахи.

ЖЗ. Муж., 1959 г.р., родился в с. Аза.

ЗИ. Муж., 1958 г.р., родился в с. Парака.

ИК. Муж., 1968 г.р., родился в с. Парака.

КЛ. Муж., 1960 г.р., родился в с. Бист.

ЛМ. Муж., 1965 г.р., родился в г. Нахичевань.

МН. Муж., 1947 г.р., родился в с. Кюльтепе.

НО. Муж., 1955 г.р., родился в г. Ереван, родители из сел Цхна и Рамис.

ОП. Муж., 1949 г.р., родился в г. Ереван, родители из сел Аза и Рамис.

ПР. Муж., 1952 г.р., родился в с. Рамис.

РС. Муж., 1956 г.р., родился в с. Парака.
СТ. Жен., 1965 г.р., родилась в г. Нахичевань.
ТУ. Жен., 1974 г.р., родилась в г. Кировабад, супруга выходца из с. Бист.
УФ. Жен., 1969 г.р., родилась в Баку, родители родом из сел Алахи и Бист.
ФХ. Муж., 1941 г.р., родился в с. Бист.
ХЦ. Жен., 1955 г.р., родилась в с. Парака.
ЦЧ. Муж., 1930 г.р., родился в с. Парака.
ЧШ. Муж., 1976 г.р., родился в г. Ереван, родители родом из с. Парака.
ШЭ. Муж., 1961 г.р., родился в с. Парака.

Список источников

- Айвазян А. Памятники армянской архитектуры Нахичеванской АССР. Ереван: Айастан, 1981.
- Андреева Ю.О., Гуляева Е.Ю. Нахичеванские армяне: память о соседстве в 1950–1980-е гг. // Кунсткамера. 2022. № 2 (16). С. 116–133.
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Баранов Д.А., Гуляева Е.Ю. Институт кирва: преодолевая этнические барьеры? // Евразия – диалог культур: материалы Двадцать вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: Рос. этнографический музей, 2023. С. 191–198.
- Баранов Д.А., Шорохов В.А. «Армянская» тема в устных нарративах азербайджанцев Нахичевани // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20, № 2. С. 462–473. doi: 10.32653/CH202462-473
- Вардадян А.В. Зов Вишпазара: статьи, эссе, рассказы. Ереван: Тигран Мец, 2010.
- Всесоюзная перепись населения 1979 г. Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6209–6237. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=76 (дата обращения: 05.03.2024).
- Гусейнова С., Акопян А., Румянцев С. Кызыл-Шафаг и Керкендж: история обмена селами в ситуации Карабахского конфликта. Тбилиси: Южно-Кавказское отд. Фонда им. Генриха Белля, 2008.
- Гучинова Э.-Б.М. Дневник Арпеник Алексанян // Laboratorium. 2010. № 1. С. 84–102.
- Гучинова Э.-Б.М. Как калмыки рассказывают о депортации: дискурсивные стратегии нарратива // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 30–52.
- Мельникова Е.А. Разломы валаамской памяти: мемориальное сообщество Валаама в поисках утраченного острова // Этнографическое обозрение. 2023. № 1. С. 45–66.
- Оганнисян Э.Г. «Экзорцизм культурной инаковости»: социальная интеграция и экономическое выживание беженцев в постсоветской Армении // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. Вып. 2 (37). С. 45–54.
- Тер-Саркисянц А.Е. Современная сельская семья у нахичеванских армян // Полевые исследования Института этнографии 1979 г. М.: Наука, 1983. С. 98–105.
- Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: НЛЮ, 2009. С. 5–41.
- Харатян Л. Освоение «чужого» пространства: Армяне беженцы в «азербайджанских» селах Армении // Figuring out the South Caucasus: Societies and environment. Collection of Papers. Тбилиси: Изд-во Фонда им. Генриха Белля на Южном Кавказе, 2008. С. 129–145.
- Хириш М. Поколение постпамяти; Письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое изд-во, 2022.

- Шагоян Г.А. Армянский геноцид как метанарратив травматической памяти. К 101-летней годовщине армянского геноцида: тема без «исторических уроков»? // Гефтер. 25.04.2016. URL: <http://gefter.ru/archive/18335>
- Шагоян Г.А. Культурная vs коллективная травма: мемориализация советских репрессий в постсоветской Армении по модели памяти о геноциде // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 73–98.
- Шагоян Г.А., Гучинова Э.-Б.М. Языки описания национальных депортаций на Кавказе // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 134–143.
- Ayvazyan A. The Historical Monuments of Nakhichevan. Detroit, 1990.
- Ayvazyan A. Historiography at the Service of Monument Degradation // Monuments and Identities in the Caucasus. Karabagh, Nakhichevan and Azerbaijan in Contemporary Geopolitical Conflict / ed. by I. Dorfman-Lazarev and H. Khatchadourian. Leiden: Brill, 2023. P. 379–390.
- Budrytė D. Gendering “History of Fighting and Suffering”: War and Deportation in the Narratives of Women Resistance Fighters in Lithuania // Narratives of Exile and Identity. Soviet Deportation Memoirs from the Baltic States / ed. by Violeta Davoliūtė, Tomas Balkelis. Budapest; New York: CEU Press, 2018. P. 103–117.
- Khatchadourian L., Smith A.T., Ghulyan H., Lindsay I. Caucasus Heritage Watch. Special Report # 1. Silent Erasure. A Satellite Investigation of the Destruction of Armenian Heritage in Nakhchivan, Azerbaijan. Cornell Institute of Archaeology and Material Studies. Ithaca, 2022. URL: <https://indd.adobe.com/view/2a6c8a55-75b0-4c78-8932-dc798a9012fb>
- Այվազյան Ա. Նախիջևանի պատմաճարտարապետական հուշարձանները, Եր., 1978:
- Այվազյան Ա. Նախիջևանի ԻԽՍՀ հայկական հուշարձանները (համահավաք ցուցակ), Եր., 1986:
- Վարդանյան Ա. Ճահուկ-Վալքի միջրարբառի տարածման պատմական սահմանները // Գ. Ճահուկյանի ծննդյան 100-ամյակին նվիրված «Արդի հայերենագիտության խնդիրները» առցանց գիտաժողովի նյութեր. Եր., 2020: URL: https://language.sci.am/sites/default/files/vardanyan_artak_0.pdf

References

- Ayvazyan A. (1981) Pamiatniki armianskoi arkhitektury Nakhichevanskoi ASSR [Monuments of Armenian architecture of the Nakhchivan ASSR]. Yerevan: Hayastan.
- Andreeva Yu.O., Guliaeva E.Yu. (2022) Nakhichevanskiie armiane: pamyat' o sosedstve v 1950–1980-e gg. [Nakhichevan Armenians: Memory of Neighborhood in the 1950s–1980s]. *Kunstkamera*, 2 (16), pp. 116–133.
- Assmann J. (1992) Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. München: Beck.
- Baranov D.A., Guliaeva E. Yu. (2023) Institut kirva: preodolevaia etnicheskie bar'ery? [Kirwa Institute: Overcoming Ethnic Barriers?]. In: *Evrasiia – dialog kul'tur: materialy Dvadsat' vtorykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii* [Eurasia – a dialogue of cultures: materials of the Twenty-second St. Petersburg Ethnographic Readings.]. St. Petersburg: Rossiiskii etnograficheskii muzei, pp. 191–198.
- Baranov D.A., Shorokhov V.A. (2024) "Armianskaia" tema v ustnykh narrativakh azerbaidzhintsev Nakhichevani ["Armenian" element in the oral narratives of the Azerbaijanis of Nakhchivan], *Istoriia, arkheologiia i etnografiia Kavkaza*, 2 (20), pp. 462–473.
- Vardanian A.V. (2010) *Zov Vishapasara: stat'i, esse, rasskazy* [Call of Vishapasar: articles, essays, stories]. Yerevan: Tigran Mets.
- Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1979 g. Tablitsa 9s. Raspredelenie naseleniia po natsional'nosti i rodnomu iazyku. [All-Union Population Census 1979 Table 9s. Distribution of the

- population by nationality and native language]. *Russian State Archive of Economics*. Fund 1562. List 336. File 6209–6237. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=76 (access date: 03.05.2024).
- Guseinova S., Akopian A., Rumiantsev S. (2008) *Kyzyl-Shafag i Kerkendzh: istoriia obmena selami v situatsii Karabakhskogo konflikta* [Kyzyl-Shafag and Kerkenj: the history of village exchange in the situation of the Karabakh conflict]. Tbilisi: Iuzhno-Kavkazskoe otdelenie Fonda im. Heinrich Böll.
- Guchinova E.-B.M. (2010) *Dnevnik Arpenik Aleksanian* [Diary of Arpenik Aleksanyan], *Laboratorium*, 1, pp. 84–102.
- Guchinova E.-B.M. (2021) *Kak kalmyki rasskazyvaiut o deportatsii: diskursivnye strategii narrativa* [How Kalmyks Talk About Deportation: Discursive Strategies of Narrative], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia – Siberian Historical Research*, 2, pp. 30–52.
- Hirsh M. (2021) *Pokolenie postpamiati; Pis'mo i vizual'naia kul'tura posle Kholokosta* [The Generation of Postmemory. Writing and Visual Culture After the Holocaust]. Moscow: Novoe Izdatel'stvo. (In Russian)
- Melnikova E.A. (2023) *Razlomy valaamskoï pamiati: memorial'noe soobshchestvo Valaama v poiskakh utrachennogo ostrova* [Valaam Memory Breaks: Valaam's Memorial Community in Search of the Lost Island], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1, pp. 45–66.
- Hovhannisyan E.H. (2017) “Ekzortsizm kul'turnoi inakovosti”: sotsial'naia integratsiia i ekonomicheskoe vyzhivanie bezhentsev v postsovetsoi Armenii [Exorcism of cultural otherness: social integration and economic survival of the refugees in post-Soviet Armenia], *Vestnik Perskogo universiteta. Seriia: Istorii*, 2 (37), pp. 45–54.
- Ter-Sarkisants A.E. (1983) *Sovremennaia sel'skaia sem'ia u nakhichevanskikh arмян* [Contemporary rural family among Nakhichevan Armenians]. In: *Polevye issledovaniia Instituta etnografii 1979 g.* [Field research of the Institute of Ethnography 1979] Moscow: Nauka, pp. 98–105.
- Oushakine S. (2009) “Nam etoi bol'iu dyshat”? O travme, pamiati i soobshchestvakh [“We need to breathe this Pain”? about trauma, Memory and communities]. In: *Travma: punkty. Sbornik statei* [Trauma: Points. collection of articles]. Compiled by S. Oushakine, E. Trubina. Moscow: NLO, pp. 5–41.
- Kharatyan L. (2008) *Osvoenie "chuzhogo" prostranstva: Armiane bezhentsy v "azerbaidzhanskikh" selakh Armenii* [Development of “foreign” space: Armenian refugees in “Azerbaijani” villages of Armenia]. In: *Figuring out the South Caucasus: Societies and environment. Collection of Papers*. Tbilisi: Izd-vo Fonda im. Genrixa Bellia na Iuzhnom Kavkaze, pp. 129–145.
- Shagoian G. (2016) *Armianskii genotsid kak metanarrativ travmaticheskoi pamiati* [The Armenian genocide as a metanarrative of traumatic memory]. *Gefter*, 25.04.2016. Available at: <http://gefter.ru/archive/18335>
- Shagoian G. (2021) *Kul'turnaia vs kollektivnaia travma: memorializatsiia sovetskikh repressii v postsovetsoi Armenii po modeli pamiati o genotside* [Cultural vs. collective trauma: The memorialization of Soviet repression in post-Soviet Armenia modeled on genocide remembrance], *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*, 2, pp. 73–98.
- Shagoyan, G.A., Guchinova, E.-B.M. (2023) *Iazyki opisaniia natsional'nykh deportatsii na Kavkaze* [Languages for Describing National Deportations in the Caucasus]. Introduction to the Special Theme of the Issue, *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*, 4, pp. 134–143.
- Ayvazyan A. (1990) *The Historical Monuments of Nakhichevan*. Detroit.
- Ayvazyan A. (2023) *Historiography at the Service of Monument Degradation*. In: *Monuments and Identities in the Caucasus. Karabagh, Nakhichevan and Azerbaijan in Contemporary Geopolitical Conflict*. Ed. by I. Dorfman-Lazarev and H. Khatchadourian. Leiden: Brill, pp. 379–390.

- Budrytė D. (2018) Gendering “History of Fighting and Suffering”: War and Deportation in the Narratives of Women Resistance Fighters in Lithuania. In: *Narratives of Exile and Identity. Soviet Deportation Memoirs from the Baltic States* / ed. by Violeta Davoliūtė, Tomas Balkelis. Budapest–New York: CEU Press, pp. 103–117.
- Khatchadourian L., Smith A.T., Ghulyan H., Lindsay I. (2022) *Caucasus Heritage Watch. Special Report # 1. Silent Erasure. A Satellite Investigation of the Destruction of Armenian Heritage in Nakhchivan, Azerbaijan*. Cornell Institute of Archaeology and Material Studies. Ithaca. Available at: <https://indd.adobe.com/view/2a6c8a55-75b0-4c78-8932-dc798a9012fb>
- Ayvazyan A. (1978) *Nakhijevani patmachartarapetakan hushardzannery* [Historical and Architectural Monuments of Nakhichevan]. Yerevan.
- Ayvazyan A. (1986) *Nakhijevani IKHSH haykakan hushardzannery (hamahavak' ts'uts'ak)* [Armenian monuments of Nakhichevan of the USSR (compiled list)]. Yerevan.
- Vardanyan A. (2020) Chahuk-Vayk'i mijbarbari taratsman patmakan sahmannery [The historical boundaries of the spread of the Jahuk-Vayk interdialect]. In: *G. Jahukyan tsnndyan 100-amyakin nvirvats «Ardi hayerenagitut'yan khndirneri» arrts'ants' gitazhoghovi nyut'er* [Proceedings of the online conference "Problems of Modern Armenian Studies" dedicated to the 100th anniversary of the birth of G. Jahukyan]. Yerevan.

Сведения об авторах:

ГУЛЯЕВА Евгения Юрьевна – научный сотрудник отдела Кавказа и Средней Азии, Российский этнографический музей (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0000-0002-7013-2661. E-mail: guliaevaevgenia@list.ru

АНДРЕЕВА Юлия Олеговна – кандидат исторических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0000-0002-5704-4034. E-mail: julia.o.andreeva@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Evgenia Yu. Guliaeva, Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7013-2661. E-mail: guliaevaevgenia@list.ru

Julia O. Andreeva, Independent researcher (St. Petersburg, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5704-4034. E-mail: julia.o.andreeva@gmail.com

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 14 июня 2025;
принята к публикации 9 августа 2025.*

*The article was submitted 14.06.2025;
accepted for publication 09.08.2025.*